

«ВОЗВЫШЕНИЕ» КИТАЯ КАК ФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ*

Статья посвящена комплексному изучению феномена «китайского возвышения» в мире, влиянию факторов роста Китая на современные глобальные / региональные мировые процессы и международные отношения. Анализируются внутренние китайские явления — трансформация внешней политики, социально-экономическое развитие, формирование негативных общественных настроений и прочее, а также ряд внешних событий, влияющих на темпы и характер усиления Китайской Народной Республики — островные конфликты в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, китайско-корейские отношения, развитие ШОС и другие.

Ключевые слова: «возвышение Китая»; соперничество; геополитика; Соединенные Штаты Америки; Россия; стратегическое партнерство; Южно-Китайское море; Япония; Шанхайская организация сотрудничества; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии; БРИКС, региональная политика.

S. G. Luzyanin

Doctor habil. (History), Professor,
Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

«RISE» OF CHINA AS A FACTOR OF THE WORLD POLICY

The article is devoted to complex study of the «China's rise» phenomenon in the world, impact of China's growth factors on modern global/regional processes and international relations. It analyses domestic Chinese phenomena — transformation of foreign policy, socio-economic development, formation of negative public moods, and so on, as well as a number of external events that influence the rate and character of strengthening of People's Republic of China — the island conflicts in the South China and the East China Seas, Chinese-Korean relations, development of the Shanghai Cooperation Organization, and others.

Keywords: «China's Rise»; rivalry; geopolitics; the United States of America; Russia; strategic partnership; South China Sea; Japan; the Shanghai Cooperation Organization; Association of Southeast Asian nations; BRICS; regional policy.

Экономическое и политическое «возвышение» Китая в мире, радикальное кадровое обновление партийно-государственных структур и другие меры сказываются на внешней политике КНР, хотя принцип политической и идеологической преемственности стратегического курса поколений выдерживается неукоснительно.

В китайских дефинициях современная эпоха до последнего времени в официальных документах характеризовалась как эпоха «мира и развития». Региональные и глобальные кризисы, рост общей нестабильности заставляют китайских ученых говорить о дополнительных параметрах — «неопределенность», «турбулентность в международных отношениях».

Растет удельный вес КНР в мировой экономике. Если в 2002 г. по показателю внутреннего валового продукта (ВВП) Китай был на 5-м месте, то в 2012 г.

* Материалы статьи обсуждены на международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество, интеграция и современная геополитика» (ФГБОУ ВПО «БГУЭП», г. Иркутск, 11–12 сентября 2014 г.).

он занимает 2-е место в мире (после США). По объемам внешней торговли тоже вторая позиция. КНР стала частью системы глобального управления. Это касается ее деятельности в G20, Международном валютном фонде (МВФ), Организации Объединенных Наций (ООН), Всемирном Банке, а также в глобальных и региональных проектах — форумах БРИКС, РИК, ШОС, АТЭС и пр.

Суммируя новейшие разработки и выводы российских, китайских, ряда западных ученых, можно сформулировать четыре общие проблемы, которые так или иначе проявляются в настоящее время, но в более полном объеме встанут перед новым руководством в ходе реализации китайской внешней политики [2].

Во-первых, мировое сообщество интересуется, сохранит ли Китай своеобразный баланс между сдержанной политикой «развивающегося государства» (к которому он официально продолжает себя относить) и активной наступательной политикой новой, рождающейся сверхдержавы. Проблема в том, будет ли это выглядеть как некий синтез «двух политик» или глобальный внешнеполитический менталитет новой мировой державы полностью возобладает.

Во-вторых, новое китайское руководство должно разрешить возникшую еще в начале 2000-х гг. (особенно после 2001 г. — вступления КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО)) дилемму в своих отношениях с Западом. С одной стороны, благодаря экономической глобализации страна приобретает большие инвестиционные, технологические и иные ресурсы для реформирования, а с другой, сталкивается с растущим политико-идеологическим давлением Запада. Современный Китай пока достаточно жестко дистанцируется от попыток США и их союзников навязать ему некие «либеральные политические проекты» радикального реформирования политической системы. Сумеет ли новое руководство справиться с задачами сохранения возможностей роста и реформирования за счет внешних источников, минимизации политического и идеологического давления оппонентов и сохранения внутри страны стабильности и поступательного развития?

В-третьих, китайское руководство, как известно, поставило задачу радикального изменения стратегии реформирования, перехода на модель инновационного развития и использования преимуществ внутреннего рынка. В рамках этой стратегии КНР должна в ближайшие 10–15 лет стать ведущим мировым центром производства собственных высоких технологий. В условиях растущих социально-демографических, экологических, ресурсных и региональных («островные споры» в Южно-китайском и Восточно-Китайском морях, северокорейская проблема и др.) вызовов, задача эта представляется чрезвычайно сложной.

В-четвертых, после XVIII съезда Си Цзиньпин выдвинул идею реализации «китайской мечты», предполагающей объединение всех ресурсов и возможностей страны для «великого возрождения китайской нации». Реализация «мечты» должна происходить исключительно на основе модели «социализма с китайской спецификой». Сюжет о «китайской мечте» и «возрождении Китая» был развернут Си Цзиньпином 29 ноября 2012 г. в ходе осмотра выставки в Государственном музее Китая «Путь к возрождению».

Заявления нового китайского лидера вызвали значительный резонанс в китайских и иностранных средствах массовой информации. В многочисленных китайских комментариях по этому поводу, в том числе и откровенно националистического характера, подчеркивается, что Китай намерен применять более действенные меры для защиты своих интересов, а не только ограничиваться заявлениями протестов. Некоторые китайские эксперты полагают, что Китаем фактически брошен вызов «американской мечте», которая «теряет

свою ценность и новизну». Если для Америки «предел мечтаний — стать гегемоном», то для «китайской мечты» главное — это «стремление к гармонии»¹.

На первое место в числе внешнеполитических приоритетов Китая выдвигаются задачи дальнейшего укрепления политических позиций КНР на мировой арене. Пекин активно участвует в международных мероприятиях глобального характера, в ООН, занял лидирующие позиции в ведущих региональных организациях Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), значительно укрепилось его влияние среди развивающихся стран, на африканском и латиноамериканском континентах. При этом, продвигая свои интересы, Пекин стремится действовать гибко, по возможности избегая конфронтации и стараясь договариваться со своими партнерами.

Очевидно, что для выполнения грандиозной программы потребуется обновление всего внешнеполитического инструментария, включая использование ресурсов «мягкой силы». Внутри страны предложенная доктрина вызвала поддержку населения, однако во внешнем мире многие страны с осторожностью воспринимают идею возрождения Китая, увязывая ее с усилением «китайской угрозы». Новое руководство должно убедить другие страны и сообщества в мирном характере этого возвышения, вывести гуманитарную и «имиджевую дипломатию» на более высокий уровень.

В нынешней китайской геополитике присутствуют два компонента, которые находятся в определенном (скрытом) противоречии друг с другом. С одной стороны, формально еще действуют базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина, заложенные в 1990-е гг.: «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» и пр. С другой стороны, после выхода в 2010 г. Китая на 2-е место в мире по ВВП в размере 5,9 трлн дол. часть внешнеполитических положений великого реформатора стала не столь актуальна. В китайском политическом руководстве и экспертном сообществе появилась потребность в принятии новых идей и более радикальных подходов в условиях общего изменения качества и масштабов внешней политики страны. Многие наблюдатели называют это выходом Китая «из тени».

В научной литературе, посвященной проблеме обновления внутренней и внешней политики КНР, международным отношениям на Дальнем Востоке, «новому» месту Китая в мировой и региональной политике уделяется большое внимание.

Регионализация мира — один из ведущих современных процессов, который просматривается в интеграционных проектах многостороннего сотрудничества — Европейский союз (ЕС); Ассоциация государств в Юго-Восточной Азии (АСЕАН); АСЕАН плюс один (КНР); АСЕА + три (КНР — Республика Корея — Япония); Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА); Евразийский Экономический Союз России, Казахстана и Белоруссии (ЕЭС); ШОС и др. Часть западных экспертов не исключает распад ряда глобальных институтов типа ВТО, МВФ на отдельные региональные «куски» — евразийский, европейский, панамериканский, восточноазиатский. В этих условиях возникает естественный вопрос о специфике китайского регионализма и особенностях политики КНР в тех или иных регионах мира. Можно ли говорить в настоящее время о формировании некоего нового качества этой политики, отражающей как общемировые, так и региональные тенденции? И каковы основные параметры этого «нового качества» китайской внешней политики?

Просматривается, по крайней мере, четыре теоретических вопроса, на которые пока нет однозначных ответов.

¹ URL : <http://www.iask.ca/news/china/2012/1201/169449.html>.

Во-первых, каковы критерии и границы, определяющие собственно региональную и глобальную политики Китая? Очевидно, что критерии формируются исходя из подходов КНР в отношении, прежде всего, сопредельных, либо близких Китаю географически государств и регионов. В систему близких регионов и субрегионов входят:

- Северо-Восточная Азия (СВА): Япония, КНДР, Республика Корея, Монголия, сам Китай, сюда условно можно отнести и российскую часть Сибири и Дальнего Востока;
- Юго-Восточная Азия (ЮВА): Индонезия, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бруней;
- Центральная Азия (ЦА): Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан;
- Южная Азия (ЮА): Индия, Непал, Бутан, Шри Ланка и др.

Существует еще географически близкий регион Среднего Востока с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и другими государствами.

Что касается места Китая в мире и особенностей его глобальной политики, то в последнее время в китайской и российской научной литературе появились новые трактовки. В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая и о том, чем же является он сегодня — «важной региональной державой АТР», «большим развивающимся государством» или «сверхдержавой», идущей среди ведущих экспертов России и Китая, просматривается тезис о некотором сближении и даже в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов Китая. Очевидно, что между китайским региональным и глобальным позиционированием имеется определенное противоречие, так же как оно имеется и в разночтениях «статуса» Китая («развивающееся государство», «развитое государств.») Однако можно предположить, что на этой противоречивой основе формируется новое качество китайской внешней политики, которое влияет как на региональные, так и глобальные проекты КНР.

Во-вторых, анализируя это качество, следует отметить подвижность «границы» между глобальными и региональными интересами и постоянное расширение регионального пространства. Так, Китай вместе с Россией и Индией, продвигая проект РИК, который имеет евразийский (региональный) характер, способствовали его переводу в более широкий формат — БРИКС, подключив к трехстороннему сотрудничеству Бразилию и ЮАР. Сохранив «старую» региональную повестку, Китай и другие страны сформировали в рамках БРИКС новую повестку, которая содержит не только региональные, но и глобальные вопросы, например, такие как реформа мировой финансовой системы, расширение квот для развивающихся стран в МВФ, совместная защита интересов развивающихся стран, обеспечение продовольственной, энергетической безопасности и др. Очевидно, что в этих вопросах просматривается китайский глобальный интерес. Происходит расширение экономического и политического влияния Китая в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, регионах СНГ (Центральной Азии, Закавказье), Латинской Америке, Европе (ЕС). В этих условиях достаточно сложно определить точную «линию», которая отделяет региональные интересы КНР от глобальных. При этом она (линия) сдвигается в сторону глобального, и это движение явно ускорилось после прихода «пятого поколения» руководителей.

В-третьих, проблема соотношения китайской региональной политики и вопросов безопасности. Не ведет ли выход Китая на обновленный статусный уровень к обострению его отношений с соседними странами?

Данный вопрос достаточно актуален и с теоретической, и с практической точек зрения. Утвердившийся в западной политологии взгляд, согласно которому выдвигание нового, сильного игрока в регионе автоматически обостря-

ет региональную безопасность, меняя баланс сил, может создать для Китая не очень радужные перспективы. В рамках такого подхода КНР обречена на столкновение с Японией в СВА, с США в АТР, с Индией в Южной Азии и т. д. Эти взгляды отчасти подтвердились обострением обстановки в районе Южно-Китайского моря (ЮКМ) из-за эскалации «островных противоречий» между КНР, Вьетнамом, Японией и рядом других государств в 2013–2014 гг.

В последнем варианте, тем не менее, нет только однозначных, конфликтных сценариев. В случае с Китаем вполне вероятно, что на определенном этапе может сработать и мягкая адаптационная модель урегулирования региональных конфликтов в ЮКМ, при условии, что КНР и США придут к системе взаимных компромиссов и соглашений. На ближайшую перспективу это вполне вероятно, поскольку китайско-американские взаимные интересы гораздо выше и масштабнее локальных островных конфликтов.

С другой стороны, в условиях трансформации Китая в «ответственную великую державу» ему, в конечном итоге, объективно выгоднее выстраивать варианты ненасильственного подъема нации при сохранении стабильности как в сопредельных регионах, так и на глобальном уровне. Специфика китайской внешней политики, как известно, — неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям национального развития. В этом смысле «конфликтная стратегия» может поставить под угрозу внутренние успехи реформирования Китая. Китайские ученые и политики не случайно делают акцент на задачах и приоритетах исключительно экономического строительства, на соподчиненности внешней политики стратегии реализации реформ.

В-четвертых, приоритетность тех или иных регионов мира. Какие сопредельные регионы наиболее важны для КНР с точки зрения ее экономических, энергетических, транспортных и других интересов, включая сферу безопасности, а какие нет?

В приоритете, прежде всего, перечисленные ранее близкие КНР регионы. В качестве ведущего критерия здесь выступает создание Китаем регионально-интеграционных пространств на основе зон свободной торговли¹, а также интересы безопасности и уровень потенциальных и реальных угроз, идущих из региона. Проект Туманган (Тумэньцзян) потенциально может еще более усилить значимость СВА для Китая, став площадкой для взаимовыгодного развития северо-восточных провинций КНР, российского Дальнего Востока, КНДР и Монголии.

Особая роль отводится Пекином формату российско-китайского стратегического партнерства. Итоги визита В. В. Путина в КНР (Шанхай 20–22 мая 2014 г.) и подписание исторических документов, включая углеводородные (газовые) контракты, рельефно обозначили перспективу формирования «Большой Двойки» в лице РФ и КНР. В последние 5–7 лет в среде ведущих китайских политологов, определяющих mainstream геополитической мысли, доминировал тезис — «Умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг». После Шанхая и подписания известных российско-китайских документов данный вариант будет, скорее всего, скорректирован [1].

Неизменной остается идея «опоры на Север», т. е. на Россию. Причем, российский вектор Китая из энергетического (сырьевого) все больше превращается в геополитический — происходит неформальное создание военно-политического союза. Не случайно, в принятом В. В. Путиным и Си Цзиньпином в Шанхае «Совместном заявлении», фактически, просматриваются элементы

¹ Китай совместно с 31-й страной мира работает над созданием 17 зон свободной торговли, подписал 12 соглашений по вопросам свободной торговли, 7 из которых уже реализованы. Данные соглашения охватывают четверть общего объема товарооборота Китая по состоянию на 2013 г.

договора о военно-политическом союзе, правда, без его юридического оформления. Причем, если «час икс» все-таки настанет, для России и Китая процедура оформления такого договора может занять немного времени. Главное, что базовые принципы и общее видение мироустройства у двух стран едины.

Тезис «бороться за Восток и Юг» для КНР чрезвычайно широк. Он вбирает в себя и усиление экономико-политических позиций в странах Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, и усиление давления на отдельные страны АСЕАН (Вьетнам и др.) по спорным островам в Южно-Китайском море, и давление на своего регионального конкурента и соперника — Японию в Восточно-китайском море.

Изменения, скорее всего, произойдут в части цитаты об «умиротворении Запада». Несмотря на сохраняющуюся экономическую взаимозависимость, Китай явно переходит от умиротворения Запада к его активному сдерживанию. И это касается, прежде всего, сдерживания США. Пекин (как и Москву) раздражает гегемонистская, а порой и «мессианская» политика Вашингтона по поводу всего, что происходит в мире. При этом украинские события объективно усилили базовые китайско-американские (геополитические) противоречия. Китайцы прекрасно понимают, что Америка, разбираясь с Россией, своей второй жертвой определила Китай. И если Пекин и Москва сегодня не создадут известную «Большую Двойку», завтра может быть уже поздно ее создавать. Известно, что в одиночку противостоять большой силе чрезвычайно трудно.

Ведущие китайские политики, резонно рассматривающие такую перспективу (создание «Большой Двойки»), предлагают различные сценарии и варианты. Но большинство едины в том, что акцент КНР и России необходимо делать на активизацию в Евразии, подключая к своему партнерству и Индию, а в отдельных случаях используя противоречия между ЕС и США (проф. Е. Цзычэн). Морская геополитика, считают многие, не самый сильный козырь Китая. Подобный подход выглядит логичным, поскольку на евразийское «возвышение» уже объективно работают запущенные Китаем и Россией проекты — «Экономический пояс Великого Шелкового пути» и ЕЭС. Принципиально важным в этом плане является поиск и реализация общих «стыкующих механизмов» между этими двумя проектами. На данном треке не все возможности и ресурсы показала еще ШОС, которая теоретически может выступить таким связующим «мостом» между Великим шелковым путем и ЕЭС. Подобная интеграция, скорее всего, пойдет на пользу всем трем проектам и даст «новую жизнь» ШОС, которая в последние годы явно застыла в своем развитии.

Российско-китайское сближение происходит в условиях явного и радикального обновления нынешней структуры международных отношений. Если раньше речь шла об исключительно одной сверхдержаве — США и с этим были все согласны, то сегодня монополия на сверхдержавность Китаем стремительно разрушается и с американской гегемонией далеко не все согласны, даже в стане ее (США) союзников.

Правда, сам Китай пока до конца не определился со своим геополитическим статусом. Так, один из ведущих китайских политологов дал достаточно оригинальное определение КНР в мире, как «четыре в одном» (Юань Пэн). В Китае, по его мнению, одновременно сочетаются (и проявляются во внешней политике) четыре типа государства — развивающегося (официальное), поднимющегося государства, глобального и «квази-сверхдержавы». По поводу первых трех в мире имеются некоторые представления. А вот по поводу последней — достаточно смутное. Причем не только в мире, но и в самом Китае.

Не разъяснил эту загадку и другой известный политолог Лю Липин, который выделяет 4 типа государств в современном мире — сверхдержава (США),

сильные державы — Англия, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия, Бразилия, средние и слабые государства.

Таким образом, поворот России на Восток, в сторону Китая, в широком (геополитическом) смысле, — это начало формирования новых вариантов мироустройства. Теоретически «связка» Москва — Пекин может объединить вокруг себя иной «неамериканский мир», основанный на международном праве, равной и неделимой безопасности.

Принципиально важно для Китая сегодня осмысление (как на экспертном, так и высшем политическом уровне) феномена «сверхдержавности» в китайской проекции. Очевидно, что отношение Китая к своему имиджу на мировой арене меняется: он (имидж) все более рельефно приобретает черты будущей сверхдержавы. Подобная трансформация обусловлена хорошо известными причинами, в первую очередь колоссальными экономическими результатами КНР за 30-летний период реформ. При этом в мире по-разному воспринимают «новый», поднимающийся Китай — и позитивно, и негативно. В общественном мнении на Западе доминируют алармистские оценки КНР, причем как уже сформировавшейся сверхдержавы.

Однако следует учитывать, что, несмотря на огромную совокупную мощь и феноменальные достижения в реформировании экономики, КНР по ряду параметров социально-экономического развития пока объективно не сможет сегодня и в ближайшем будущем выйти на уровень сверхдержавы. Это подтверждается рядом новейших политологических и экономических исследований в самом Китае, а также в России и других странах.

В частности, по уровню ВВП на душу населения Китай не входит пока даже в первую сотню государств мира, и такое положение будет сохраняться в ближайшие 5–6 лет. Стратегически, в рамках реализации доктрины создания общества «средней зажиточности», XVIII съезд Коммунистической партии Китая поставил задачу к 2020 г. радикально изменить этот параметр, удвоив душевой ВВП, и резко подняться в мировом рейтинге.

Другой объективный критерий сверхдержавности — уровень военно-стратегических потенциалов (ракетно-ядерный компонент, количество стратегических носителей, ядерных подводных лодок и пр.). В этом отношении Китай на порядок отстает от ведущих государств мира — США и России — и вряд ли сможет ликвидировать разрыв в период 2015–2020 гг.

Третий показатель, по которому Китай также значительно отстает, — уровень социальных стандартов жизни населения (развитость пенсионной системы, здравоохранения, социальных пособий и т. п.).

Все это, однако, не означает, что страна не ставит долговременных амбициозных задач. Наоборот, сегодняшние нерешенные внутренние проблемы мотивируют на их скорейшую ликвидацию и выход на уровень сверхдержавы. В материалах XVIII съезда Коммунистической партии Китая, в отчетном докладе бывшего генсека Ху Цзиньтао определена примерная дата достижения состояния «великого Китая» — 2049 г., к 100-летию юбилею КНР. К слову, возникает ощущение, что китайцы с официально объявленной датой лукавят и состояние «величия» они хотят достичь на 10–15 лет раньше. При этом китайские эксперты и аналитики понимают, что ни действующая американская, ни ушедшая в прошлое советская модель сверхдержавы не подходит для современной КНР. Как модель сверхдержавы будет выглядеть в конечном китайском варианте, сегодня никто не может сказать.

Тем не менее, исходя из анализа нынешних процессов и явлений в КНР, можно попытаться дать предварительные наброски (6 параметров) будущей картины китайской «великой державы».

Скорее всего, ни идеологически, ни политически она не будет ориентирована на глобальную внешнюю экспансию, создание новой «мировой китайской империи». В многотысячелетней истории Китая не заложено таких традиций, наоборот, китайская цивилизация сама периодически подвергалась внешним экспансиям, то сжимаясь, то расширяясь до Амура на севере, Тибета и Синьцзяна на северо-западе и р. Меконг на юге. В этом контексте к Китаю вряд ли применим опыт Британской и других колониальных империй.

Элементы конвергенции (социализма и капитализма, регионализма и глобализма) значительно усилятся, станут доминирующими во внутреннем и внешнем развитии. Не исключено, что получит свое качественное развитие политическая реформа, но при сохранении доминирования Коммунистической партии Китая. Во внешней политике одновременно усилятся механизмы «жесткой» и «мягкой силы», а также роль «экономической дипломатии», вес которой уже сегодня неизмеримо вырос.

Просматривается значительное усиление национально-патриотической мотивации на волне общего успеха и «возрождения Китая». Идея Си Цзиньпина о необходимости «возрождения китайской нации» объективно стимулирует этот процесс. Данное явление, как известно, имеет «две стороны медали». Одна, позитивная, — формирование в обществе объединяющей идеи возрождения китайской нации, которая порождает колоссальную мотивацию, сплачивает страну. На это сегодня работают средства массовой информации, литература, кинематограф, другие виды искусства. Вторая сторона — формирование достаточного опасных для руководства и страны в целом националистических настроений и взглядов. Они находят отражение в Интернете (около 500 млн пользователей), различных печатных изданиях. Пока мы не можем говорить о китайском национализме как системном явлении, охватывающем все этажи китайского общества, государства и Коммунистической партии Китая. Вряд ли эта идеология в 2013–2020 гг. станет господствующей, но в будущей модели «сверхдержавы» элементы национального патриотизма значительно усилятся.

Усилятся вертикаль «Коммунистическая партия Китая — государство — общество», мобилизационные возможности государства на всех уровнях, развитые валютно-финансовые механизмы и ресурсы. Скорее всего, будет развиваться тенденция на дальнейшую адаптацию либерально-экономических методов к канонам китайского социализма («социализм с китайской спецификой»).

К моменту формирования качества «сверхдержавы» юань теоретически должен пройти путь от фиксированной национальной валюты до одной из мировых конвертируемых резервных валют. При этом благоприятным для КНР было бы параллельное реформирование базовых мировых институтов (ООН, МВФ и др.) в сторону расширения полномочий крупных развивающихся стран и глобального усиления БРИКС и ШОС.

Модернизация всех компонентов военной составляющей Китая и значительное сокращение разрыва (возможно, достижение паритета) в стратегических вооружениях с США. Национально-освободительной армии Китая (НОАК) и способности ее вести победоносные «локальные войны» был посвящен целый раздел отчетного доклада бывшего китайского руководителя Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической партии Китая.

Очевидно, что данные «наброски» носят предварительный характер, поскольку многие параметры и тенденции в ходе развития Китая могут уйти на второй план или исчезнуть полностью, а взамен появятся новые, пока не оформленные в рамках фиксируемых, системных явлений.

Меняется отношение Китая к такому ключевому дипломатическому инструменту, как партнерство. Если раньше этот термин имел для всех партнеров Китая примерно одинаковое значение, то сегодня во внешней политике этой страны явным становится дифференцированный подход к другим государствам. Китайские политологи разбили партнеров КНР на четыре условные группы. За главные критерии брались не столько экономические, сколько политические реалии и уровень развитости доверия между странами. Таким образом, китайский фактор уже превратился в долговременное и системное явление, влияющее на глобальную и региональную политику, систему международных отношений. Китайское же руководство во главе с председателем Си Цзиньпином неуклонно держит курс на «возрождение китайской нации» и превращение Китая в великую державу на основе модернизации страны и реализации реформ.

Список использованной литературы

1. Лузянин С. Г. Россия и Китай в Евразии / С. Г. Лузянин. — М. : Форум, 2009. — 288 с.
2. Цзычэнь Е. Чжунго да чжаньлюэ: Чжунгочэньвэйшицие да го дэ чжуньяовэньтицичжаньлюэсюаньцэ = Большая стратегия Китая: главный вопрос и стратегический выбор превращения Китая в великую мировую державу / Е. Цзычэнь. — Пекин : Чжунгошэхуэйкэсюэчубаньшэ, 2014. — С. 127–154.

References

1. Luzyanin S. G. *Rossiya i Kitay v Evrazii* [Russia and China in Eurasia]. Moscow, Forum Publ., 2009. 288 p.
2. Tszychen E. *Bolshaya strategiya Kitaya: glavnyy vopros i strategicheskiy vybor prevrashheniya Kitaya v velikuyu mirovuyu derzhavu* [China's big strategy: the major question and strategic choice of transforming China into a great world power]. Beijing, 2014. Pp. 127–154.

Информация об авторе

Лузянин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора, Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32, e-mail: lousianin@ifes-ras.ru.

Author

Sergey G. Luzyanin — Doctor habil. (History), Professor, First Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimov Ave., 117997, Moscow, Russia; e-mail: lousianin@ifes-ras.ru.